

### ЧЕЛКАНЦЫ: ЛАНДШАФТ И КУЛЬТУРА\*

Челканцы наряду с кумандинцами и туба образуют единый культурный ареал. По сравнению с Южным Алтаем, он основан на принципиально иных формах жизнеобеспечения. Культурная специфика северных предгорий Алтая во многом обусловлена ландшафтными особенностями названного региона и традиционной хозяйственной деятельностью его населения. В этой связи изучение традиционной культуры должно вестись в тесном сопряжении с вопросами взаимодействия коллектива людей с окружающей их природной средой – микроландшафтом.

Настоящая работа посвящена некоторым аспектам формирования и развития традиционной материальной культуры челканцев. Она проводится нами с учетом концепций и подходов, связанных с исследованиями локальных (ареальных) культурных комплексов (ЛКК). Теоретико-методологическое обоснование изучения ЛКК как формы существования традиционной культуры было предпринято А. Г. Селезевым<sup>1</sup>.

Традиционная материальная культура челканцев является составной частью Лебединского ЛКК. Территориально данный комплекс ограничен бассейном р. Лебедь. В административном отношении он занимает большую северо-восточную часть Турочакского района Республики Алтай. Структуру Лебединского ЛКК образуют *элементы* (освоенные коллективом людей части микроландшафта и созданные в ходе данного процесса средства жизнедеятельности, под которыми понимаются культурные явления как материального, так и духовного порядка), *компоненты* (наборы функционально связанных элементов) и *формы культурной деятельности* (отрасли хозяйства и тесно связанные с их функционированием совокупности культурных явлений). На сегодняшний день данный комплекс представлен тремя челканскими поселками: Курмач-Байголом, Суранашем и Майским.

В рамках исследуемого комплекса в данной работе ставится задача выявления соотношения его элементов и форм культурной деятельности (охотничьей, земледельческой, скотоводческой и т.д.). Анализ элементов ограничен главным образом явлениями материального порядка. В работе рассматриваются элементы хозяйства и таких компонентов изучаемого

\* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2632.2003.06.

комплекса, как жилище и хозяйственные постройки, одежда, пища, домашняя утварь, средства передвижения. Их анализ является частью выполняемой нами работы по реконструкции материальной и духовной основы Лебединского ЛКК.

Источниковой базой для написания данной статьи стали полевые материалы. Они получены в 1998-1999 гг. в ходе предпринятых нами поездок в места проживания челканцев в поселки Бийка, Курмач-Байгол, Суранаш, Майский и Турочак. Перечисленные населенные пункты входят в состав Турочакского района Республики Алтай.

Традиционное хозяйство челканцев являлось ядром, вокруг которого складывались формы культурной деятельности. Именно оно формировало и во многом определяло ход развития культурных явлений. Поэтому особую актуальность в контексте решаемой нами задачи приобретают вопросы, связанные с функционированием традиционного хозяйства челканцев.

Генезис хозяйства тесным образом был связан с адаптацией человеческого коллектива к занимаемой ими территории – микроландшафту. Особенно важная роль в этом процессе принадлежала ресурсному потенциалу территории. Местообитанием челканцев являлись горы и долины р. Лебедь и ее многочисленных притоков – Байгола, Садры, Атлы и т.д. На этой территории преобладает низкогорный ландшафт с пихтово-кедровой тайгой<sup>2</sup>. Она и ее богатства во многом определили круг основных занятий челканцев.

Традиционная календарная система челканцев стала реальным отражением адаптации к природно-климатическим условиям и ресурсным возможностям бассейна р. Лебедь. Название месяцев во многом отражает последовательность хозяйственных занятий: апрель – «*корук ай*» (месяц охоты на бурундука), май – «*тару ай*» (месяц посева), июнь – «*одо ай*» (месяц прополки), июль – «*изю ай*» (месяц покоса травы и заготовки сена), август – «*кезектен ай*» (месяц уборки урожая), сентябрь – «*сагын ай*» (месяц рева маралов), октябрь – «*уртин ай*» (месяц помолы), ноябрь – «*чана ай*» (лыжный месяц). Их анализ позволяет сделать вывод, что основными направлениями хозяйственной деятельности челканцев являлись охота, земледелие и скотоводство. Кроме перечисленных отраслей хозяйства в бассейне р. Лебедь получили развитие рыболовство и собирательство.

Многоотраслевой характер хозяйства, сформировавшегося в бассейне р. Лебедь, обусловил появление и бытование самых разнообразных культурных явлений. Тесная связь вещественных средств жизнедеятельности с хозяйством, в свою очередь, предопределила их многофункциональный характер. Для каждой отрасли хозяйства была характерна определенная совокупность культурных явлений. Функциональный анализ по-

зволяет сгруппировать отрасли хозяйства и тесно связанные с ними элементы в четыре основные формы культурной деятельности: охотничью, земледельческо-собираТЕЛЬскую, скотоводческую и рыболовческую.

1. *Охотничья форма культурной деятельности.* Среди всех прочих отраслей хозяйства охота занимала одно из приоритетных мест. Объектами охоты в бассейне р. Лебедь являлись медведь, марал, лось, дикий козел, олень, волк, бурундук, заяц, крот. В осенне-зимний период охоты промыслили также соболя (осенью), белку (зимой), куниц и колонков. Охотились челканцы и на диких птиц – глухаря, рябчика, гуся.

С охотой были сопряжены различные явления материальной культуры. К числу таких явлений у челканцев следует отнести элементы активной и пассивной охоты: шомпольное ружье (*кырлу*); ружейные принадлежности (пули, порох, капсулы и т.д.); рог (*авырга*) и разного рода свистульки, имитировавшие характерные для некоторых животных и птиц звуки; прямоугольная кожаная сумка (*каптырга*), использовавшаяся для переноски ружейных принадлежностей или добычи; пороховница; ловчие ямы; капканы спускного устройства; кулемки; петли. Немаловажное место до появления огнестрельного оружия в охотничьем инвентаре челканцев и других таяжных групп Северного Алтая занимал лук «*алар*». Стрелы челканцы носили в берестяном колчане «*каптырга*». У средневековых кыпчаков термином «*каптаргак*» называли квадратный мешок «для сохранения всего надобного». Челканское слово «*каптырга*» (колчан, сумка), таким образом, связано с кыпчакским лексическим фондом.

Важным элементом охотничьей формы культурной деятельности являлись промысловые угодья челканцев. Во второй половине XIX – первой половине XX в. они находились в основном у истоков Абакана. Собственность на промысловые угодья носила общинный характер.

В тайге охотники ночевали и жили в различно устраиваемых балаганах. Хронологически они, видимо, восходили к наиболее ранним этапам культурно-хозяйственного освоения бассейна р. Лебедь. Их появление было вызвано потребностями охотничьего промысла. Наличие временных жилищ способствовало более длительному пребыванию людей в тайге. Осенне-зимние сезонные жилища защищали охотников от холода и непогоды, позволяли отдохнуть и восстановить силы.

Временные жилища бытовали в бассейне р. Лебедь наряду с укрытиями. Устраивались промысловые постройки по-разному. Однако широкое распространение у челканцев получили только два типа временных жилищ – одно- и двухскатный.

Односкатное временное жилище устраивалось летом на месте охотничьего промысла. Каркас постройки состоял из двух стоек и коньковой жерди. Скаты балагана выполнялись из жердей или колотых пополам стволов осины.

Конструктивные особенности отдельных балаганов двускатного типа позволяют выделить три его варианта (см. рис. 1–2, 3, 4). Двускатные постройки устраивались преимущественно на осенне-зимний период охотничьего промысла. Они были рассчитаны на двух человек, поэтому их площадь редко превышала 4 м<sup>2</sup>.

Генезис двускатного типа постройки, видимо, связан с односкатным заслоном. Скаты-кровля, или односкатный заслон, стал исходной формой для развития целого ряда каркасных построек и на территории Западной Сибири. Односкатный заслон был повсеместно зафиксирован у обских угров и ненцев как временное укрытие охотников и рыболовов.

Одним из наиболее ранних в культурогенетическом отношении вариантов двускатного балагана у челканцев являлась постройка с широкой дымовой щелью на месте конька (см. рис. 1–2). Ее скаты представляли собой два заслона. Аналогичная постройка была известна обским уграм. Только заслоны (скаты) постройки, установленные друг против друга открытыми сторонами, имели по две стойки. Однако в данном случае это не является принципиальным. Генетическая преемственность двускатных построек челканцев и обских угров с односкатным балаганом очевидна.

Наличие дымовой щели на месте конька являлось одной из конструктивных особенностей обско-угорских временных жилищ. Продолжение традиции устройства продольной щели в крыше срубленного жилища у обских угров, по мнению З. П. Соколовой, свидетельствует о его древности и устойчивости. Конструктивные особенности промысловых жилищ (вильчатые стойки, наличие дымовой щели) у хантов и манси позволили А. А. Попову выделить среди временных двускатных построек обско-угорский подтип.

Следующим звеном в формировании двускатного промыслового жилища челканцев являлся балаган с несущей системой из двух вильчатых стоек и двух продольных жердей (см. рис. 1–3). У обских угров развитие двускатного балагана также характеризовалась соединением заслонов в его верхней части. Однако конструктивное решение устройства дымовой щели было иным, чем у челканцев. Узкое пространство сохранялось вдоль коньковой балки на правом скате обско-угорского балагана.

Завершение формирования двускатного типа временных жилищ челканцев и обских угров было достигнуто в результате полного смыкания двух заслонов (см. рис. 1–4). Продольная дымовая щель в их балаганах была заменена прямоугольным (квадратным) отверстием на правом скате временного жилища. Балаган с дымовым отверстием на правом скате имел в своей основе уже конструкцию из двух вильчатых стоек и коньковой жерди.

Сезонные постройки, вероятно, послужили базой для развития постоянных жилищ двускатного типа (*ширу*, *ошанды уг*). Описание «*ширу*» содержится в работе А. В. Адрианова.<sup>14</sup> Конструкция «*ошанды уг*» известна нам по результатам реконструкции (см. рис. 1–1). Наряду с наземным и полуподземным срубам прямоугольного типа каркасные постройки двускатного типа являлись основными типами постоянных жилищ челканцев.<sup>15</sup> Однако из преданий, записанных в свое время Л. П. Потаповым, следует, что челканцы раньше не имели стационарных жилищ.<sup>16</sup> Жили они в наскоро сооруженных балаганах. Позднее челканцы стали строить постоянные жилища «*тьер уг*» (землянка). Конструкцию землянки можно сопоставить с конструкцией «*ширу*» и «*ошанды уг*».

О возможности происхождения двускатных жилищ от временных построек двускатного типа писали авторы «Очерков культуригенеза народов Западной Сибири». Каркасная конструкция и очень высокая крыша у постоянных двускатных жилищ аборигенов Северного Алтая, барабинцев и обских угров, по мнению исследователей, указывают на их связь с временными, двускатными постройками.<sup>17</sup> Любопытно, что каркасные постройки двускатного типа получили распространение преимущественно у лесо-таежного населения Сибири: туба, челканцев, кумандинцев, шорцев, селькупов, барабинских и тарских татар, хантов.<sup>18</sup> Одними из основных направлений их хозяйственной деятельности являлось рыболовство и охота.

Помимо одно- и двускатного типов временных построек, широкое распространение в бассейне р. Лебедь получила одежда из войлока. Она также носила специализированный характер. В одежде из войлока челканцы ходили на охоту. Ее элементами являлись полусферическая шапка, «халат» (*киис*), безрукавка (*ненгжок*), чулки (*уук*). Кроме того, непременным элементом промысловой одежды являлись сапоги (*одок*).

Основу промысловой одежды составлял войлочный халат. Он оказался наиболее приспособленным к суровым климатическим условиям Северного Алтая и подвижному образу жизни охотников на промысле. «Шуба из протеганного войлока, покрытого кендырем, – писал в свое время А. В. Адрианов, – считается теплой, легкой, прочной, не стесняющей движений промышленника, которому приходится сделать на лыжах сотни верст, таща за собой легкие нарты с припасами и, главное, не промокает в такой степени, как промокает нагельный тулуп».<sup>19</sup> Именно эти качества войлока, видимо, стали основной причиной распространения одежды из этого материала, элемента культуры скотоводов-кочевников, у исконных охотников северных предгорий Алтая.

«*Киис*» делали длинным, ниже колен, и довольно широким. К промысловым войлочным халатам пришивали, как правило, воротник-стойку.

На промысле он наглухо застегивался на пуговицу. Нередко она была единственной пуговицей на промысловой одежде. Наличие у «халата» воротника-стойки предотвращало попадание снега за шиворот охотника. Сверху на «*киис*» надевали холщовый халат. Но часто войлочную шубу протегивали при помощи льняных ниток холстом.

На промысле охотник поднимал полы халата наружу вверх, подкладывая их под пояс. В результате лыжник мог свободно передвигаться на подволоках. При ночлеге войлочный халат служил охотнику спальником. На одну сторону халата он ложился, второй – укрывался. Ноги спящего человека от холода защищали войлочные чулки.

В качестве промысловой войлочная одежда бытовала также у шорцев, бельтир, сагайцев и особенно у туба.<sup>20</sup> У последних она состояла из «кошменной» куртки, покрытой грубым холстом, войлочной шапки и рукавиц, а также меховых штанов.<sup>21</sup> Использование войлока для изготовления одежды, в том числе промысловой, – явление относительно позднее у таежных групп Саяно-Алтая. Вполне возможно, что войлочная промысловая одежда сначала появилась у туба, а затем проникла к челканцам, шорцам и некоторым группам таежных хакасов. Изначально, однако, на промысел перечисленные этнические группы и этносы ходили в халатах из домотканого холста. Так, большинство охотников-шорцев рек Кондомы, Мрассу и Томи, а также чулымские тюрки на зимнюю охоту надевали для тепла два халата («шобур».<sup>22</sup>

Из других элементов промысловой одежды челканцев следует выделить сапоги (*одок*). Они имели признаки западносибирского (*ар одок*, *кон одок*) и центральноазиатского (*эки тонакту оду*) типов башмаковидной обуви (по классификации Г. М. Василевич).<sup>23</sup> Материалом для их изготовления служила хорошо выделанная конская кожа. Конструктивные части сапог с холщовыми (*ар одок*) и кожаными (*кон одок*) голенищами состояли из отдельно скроенных головки и подошвы. Аналогично также кроили кожу для женской обуви – чирков (*чарык*).

Иным был покрой обуви, зафиксированный Л. П. Потаповым у челканцев-шакшылу.<sup>24</sup> Их сапоги имели двойной шов. Первый шов доходил до самого носка, второй – уходил под задник. Носки у сапог были двойными. Помимо острого носка, обувь имела второй острый конец, несколько выдающийся вперед.

Западносибирский тип обуви был связан у челканцев, видимо, с субстратным пластом их культуры, а центральноазиатский (сапоги с двойным швом) – суперстратно-адстратным слоем. В вариантах западносибирский тип обуви был представлен у хантов, манси, селькупов, кетов, хакасов, шорцев, тувинцев, телеутов и кумандинцев, встречался он также местами у забайкальских эвенков.<sup>25</sup> Начало его покроя восходит к древнейшему населению охотников и рыболовов Верхнего Приенисейя

и Верхнего Приобья.<sup>26</sup> Эту точку зрения Г. М. Василевич в отношении обских угров поддержала Н. В. Лукина. Культурогенетические корни обуви типа чирков она локализует в районах, лежащих к югу от современной территории хантов, где она, вероятно, с древности служила обувью для охотников и рыболовов.<sup>27</sup>

Центральноазиатский тип башмаковидной обуви получил распространение среди населения Центральной Азии и на примыкающей к ней с севера территории. От монголов и бурят этот тип обуви в монгольский период проник к южным эвенкам, тувинцам, хакасам и алтайцам. В бассейне р. Лебедь центрально-азиатский тип обуви, очевидно, был привнесен в XVII в. продвинувшимися сюда группами телесов-шакшылу.<sup>28</sup>

Исключительно важную роль в охотничьей форме культурной деятельности челканцев играли полозные средства передвижения – лыжи, временные нарты, специальные нарты – и различные способы перемещения груза – шкура-волокуша, пихтовый лапник, заплечный берестяной короб. Одним из наиболее древних и значимых элементов охотничьей формы культурной деятельности являлись лыжи. Именно изобретение лыж и их последующая эксплуатация сделали возможным охоту на территории северных предгорий Алтая с его глубоко-снежной и длительной зимой.

Распространено было два вида лыж: голицы и подволоки (*чана*). Голицы использовали исключительно для перемещения ранней весной по насту. Подволоки являлись охотничьими и были предназначены для передвижения по глубокому и рыхлому снегу.

Известные в бассейне р. Лебедь способы сгибания основ лыж позволяли получать два типа подволоки: слегка выгнутые и прямые (см. рис. 3–1, 2). Предпочтение охотниками отдавалось слегка выгнутому лыжу. На них легче было передвигаться по снегу, поскольку изгиб придавал подволокам амортизационное свойство.

Сапоги, ремни креплений и не закрытая камусом внешняя поверхность подволоки тщательно натиралась конским салом. Пропитанная жиром кожа не замерзала на морозе. Лицевую поверхность подволоки покрывали жиром сначала одним слоем, а после просушки – вторым. Слой жира предохраняли подволоки от сырости и налипания снега.

В некоторых случаях подволоки украшались ромбами, зигзагами и линиями. Орнамент прочерчивался острым предметом между креплениями и носками подволоки. Этот простейший орнамент должен был принести удачу на охоте. Это поверье и использование в качестве смазочного средства жира животного входят в один круг культурных явлений и, судя по всему, имеют древнее происхождение.

Непременным атрибутом охотничьего снаряжения являлся лыжный посох (*кайок*). Он выстругивался из березового дерева и представлял

собой черенок со слегка изогнутой нижней частью в форме лопатки. На промысле он выполнял различные функции. Посох служил средством управления и торможения при спуске с гор и разгребания снега на стоянке. С помощью лопатки посоха также доставали воду из ручья, распускали в ней «талган» (ячменное толокно) и утоляли голод.

По утоптанной дороге или насту челканцы шли пешком, буксируя подволоки за собой. На этот случай носки лыж снабжались отверстиями для продевания ремешка или небольшими фигурными выступами. Из подволоки устраивали также импровизированные нарты. По признаку устройства «кузова» их можно разделить на два основных типа.

Для первого типа «нарт» была характерна нерасчлененность «кузова» и лыж-полозьев. Существовало два варианта устройства временных нарт. 1. Подволоки ставили вплотную друг к другу. Между собой их связывали ремнями креплений. Носки подволоки фиксировали коротким ремешком. К полученному таким образом «головному вязу» привязывали длинный ремешок или веревочку. 2. Подволоки клали параллельно друг другу. Расстояние между лыжами регулировали двумя-тремя поперечинами (на носках и средней части лыж). Концы поперечин – прутьев или планок – привязывали к подволокам при помощи кожаных ремешков, ремней креплений и лыка.

Второй тип «нарт» (*кол чанак*) имел поднятый над лыжами-полозьями «кузов». Они широко использовались охотниками еще в первой половине XX в. Применялись «кол чанак», безусловно, и в более ранний период. Изготавливались «нарты» на месте промысла по окончании охотничьего сезона. Временные нарты выполнялись из запасных подволоки и подручных материалов – брусков и реек. На подволоках по обе стороны от креплений устраивались по два брусковидных копыла. Высота и длина копыльев составляла 10–15 см и 10 см соответственно. К подволокам копылья прибавались со стороны скользящей поверхности железными гвоздями (по два гвоздя на один копыл). Для этого использовались также деревянные гвозди. Последние забивались в отверстия, которые протыкались предварительно шилом в подволоках и копыльях.

На противостоящие друг к другу копылья сверху затем прибавались поперечные (вязы) и продольные (нащепы) рейки шириной 5–6 см. В результате получался род кузова, на котором укреплялся груз – охотничье снаряжение, добыча. Роль головного вяза выполняла поперечина, которая укреплялась на носках подволоки. Концы поперечины прибавляли гвоздями к носкам лыж или привязывали кожаными ремешками. Буксировали «нарту» на подволоках при помощи веревки. Оба конца веревки привязывали к «головному вязу». Петля накидывалась охотником на плечо. При буксировке полозья «нарт» шли по лыжне, которую оставлял за собой охотник. Слева у «нарт» имелась оглобля (*чана туткуч*). По-

следняя одним из своих концов привязывалась ремешком на месте сгиба носка подволоки (полоза). Оглобля позволяла охотнику держать временные нарты на определенной дистанции при спуске с гор. По прибытию к месту постоянного проживания «нарту» разбирали.

Наряду с импровизированными нартами (*кол чанак*) для транспортировки груза по глубокому и рыхлому снегу охотниками использовались волокуши. Наиболее простым способом перемещения груза на небольшое расстояние являлось использование в качестве «нарт» пихтового лапника. Длина лапника составляла 1–1,5 м. Буксировали такую «нарту» с добычей на подволоках, держа одной рукой за ствол пихты.

В качестве волокуши использовалась также шкура убитого зверя – лося или марала. Добытого в тайге зверя раздвигали. Мясо складывали в шкуру. Зашнуровывали волокушу веревкой, которую продевали через предварительно сделанные отверстия в краях шкуры. Края волокуши могли также скреплять между собой черемуховым прутом. Волокушу охотник буксировал за собой при помощи веревки, которую он набрасывал на плечо.

Помимо временных нарт и волокуш, у челканцев бытовали также специальные охотничьи нарты (*чанач*). В конструктивном отношении они представляли собой западносибирский тип ручной нарты (тип Б по классификации В. А. Козьмина).<sup>30</sup> Нарты использовались в первой трети XX в. и, очевидно, в более раннее время.

Нарты были рассчитаны исключительно для дальних переходов. На нартах к месту промысла подвозились продукты, охотничье снаряжение (ружье, капканы, котелок и т.д.) и запасные подволоки. К месту постоянного проживания охотник на нартах доставлял добычу (преимущественно пушнину).

Следует отметить, что с нартами ходили не все челканцы. Существовали альтернативные средства доставки и вывоза охотничьей поклажи. Для этих целей широко использовались временные нарты, заплечный берестяной короб (*комдо*), а также конно-верховой транспорт. Осенью, с наступлением холодов, охотник подвозил продовольствие к месту промысла на коне. Берестяной короб с продуктами подвешивался высоко над землей на пихтовом дереве. Перечисленные средства доставки провианта и вывоза добычи из тайги в 1930-х гг. постепенно вытеснили предназначенные для этих целей нарты. Основная причина окончательного вытеснения нарт, видимо, кроется в ограничении промысловых территорий близлежащей тайги и постепенном падении значения охоты.

При ранних паводках для преодоления водных препятствий охотники использовали берестяные челноки (*тос кеве*). Его конструкция известна по рассказам известного в свое время охотника Чемука Кандаракова.<sup>31</sup> В середине апреля (примерно в 20-х гг. XX в.) этот охотник переправился

на берестянке через разлившуюся р. Садру. Челнок им был выполнен в тайге «на скорую руку».

Основу конструкции «*тос кеве*» (челнок) составлял согнутый дугой черемуховый пруток, концы которого соединялись поперечиной. Концы прута-поперечины на концах дуги скреплялись «в замок». Перед этим пруток, видимо, разогревали над костром. Сверху каркас лодки имел вид удлинненного полуовала.

Берестяные пластинки сшивали лыком. Его сдирали с черемухового дерева. Края берестяного полотнища накручивали (снаружи внутрь) на прутья каркаса и пришивали. Чтобы не продавить дно ногами, на днище челнока клали дранку или ветки. Передвигались на лодке при помощи однолопастного весла или шеста. Берестяной челнок использовался охотником при переправах два-три раза, затем его оставляли в тайге.

Берестянки прежде были широко известны на территории Западной и Юго-Западной Сибири.<sup>32</sup> По письменным, этнографическим и фольклорным данным они прослеживаются у шорцев, чулымских тюрков, томских татар, кетов, групп обских угров, ненцев, а также целого ряда народов Восточной Сибири и Амура.<sup>33</sup> Нарымские селькупы, передвигаясь по таежным рекам на берестянках или долбленках на водоразделах, переносили их на себе. Этот же способ передвижения по тайге был известен челканским охотникам. На берестянках в XVIII в. на охотничий промысел уходили кайдынцы, входившие в состав одного из исчезнувших родов хакасского этноса.<sup>34</sup>

Чулымские тюрки каркас берестянки изготавливали из черемухового дерева.<sup>35</sup> Нарымские селькупы, как и челканцы, при выполнении лодки использовали черемуховые прутья и бересту.<sup>36</sup> Основу каркасной лодки селькупов составлял согнутый длинный пруток в виде овала. Снизу к нему крепили согнутые дугой прутья, которые образовывали каркас лодки. Бересту натягивали на каркас снаружи и внутри. Берестянку селькупы могли также изготавливать двойной. При передвижении на дно лодки клали тонкие деревянные дощечки.

При сопоставлении берестяной лодки нарымских селькупов и охотничьего челнока челканцев обнаруживается определенное конструктивное сходство. К тому же здесь следует учитывать одно важное обстоятельство – время использования лодки. У нарымских селькупов берестяная лодка была рассчитана на длительное использование, у челканцев – на два-три перехода.

Происхождение берестянок у челканцев, возможно, связано с самодийскоязычными этническими группами. В этом плане интересны сведения о неугорском происхождении берестянок у хантов.<sup>37</sup> По фольклорным материалам ваховских и южных хантов их долбленки противопоставлялись берестянкам «самоедов».

Из других водных средств передвижения челканцы-охотники использовали также плот (*сал*). Он являлся, видимо, не менее древним элементом в охотничьей форме культурной деятельности, чем берестяной челнок. Плот использовался преимущественно летом. При возвращении домой охотники сплавлялись на нем вниз по течению реки. Распространен плот был повсеместно.

2. *Земледельческо-собираТЕЛЬСКАЯ форма культурной деятельности.* Вторым по значимости после охоты направлением хозяйственной деятельности населения бассейна р. Лебедь и других таежных групп Северного Алтая являлось мотыжное земледелие.<sup>38</sup> По характеру получаемой пищи и функциональному использованию некоторых элементов культуры с земледелием связано собирательство. Данное обстоятельство стало главной причиной объединения этих двух отраслей хозяйства в один вид культурной деятельности.

Развитие в горно-таежных условиях земледелия привело к более активному культурному воздействию на окружающую людей природную среду, появлению различных сопутствующих названной отрасли хозяйства элементов. Земледелием, однако, северные алтайцы занимались мало. По данным 1745 г. челканцы сеяли «один ячмень и то самое малое число».<sup>39</sup> Аналогично обстояло дело с челканским земледелием и во второй половине XIX в. Отмечено, что они «сажают не больше, чем им нужно для пропитания».<sup>40</sup>

Традиционное земледелие в горно-таежных районах северных предгорий Алтая представляло собой классический пример подсечно-огневой системы.<sup>41</sup> «Пашнями» у челканцев служили небольшие открытые или расчищенные при помощи топора и огня участки земли на южных склонах гор или косогоров. Они не удобрялись и забрасывались через каждые два года. Поэтому челканцы стремились использовать любой удобный участок земли, сколько-нибудь пригодный для обработки. В этой связи обрабатываемые участки у челканцев нередко находились на значительном расстоянии от мест их постоянного проживания. В долинах рек «пашен» не было, так как выпадающий часто иней губил молодые побеги хлеба. Аналогичная ситуация с земледелием наблюдалась у горных шорцев и туба, поскольку в «черни» (тайге) удобных мест для земледелия было чрезвычайно мало.<sup>42</sup> В этом крылась основная причина «отсталости» этой отрасли хозяйства у челканцев, шорцев и туба. Достигнув возможного в условиях северных предгорий Алтая развития, мотыжное земледелие в целом оставалось неизменным у челканцев вплоть до середины XX в.

Землю жители северных предгорий Алтая взрыхляли в мае. Основным земледельческим орудием при этом являлась мотыга – «абыл».<sup>43</sup> У челканцев она носила название «оол». Мотыгу в бассейне р. Лебедь ис-

пользовали также наряду с конекопалкой для выкапывания луковиц кандыка.

Помимо ячменя (*арва*) челканцы высевали пшеницу (*тугдей*), просо (*таран*). Из других зерновых культур зафиксирована также рожь (*арыш*).<sup>44</sup> Высевали ее, видимо, редко, поскольку у нас нет указаний на ее культивирование. Из технических культур челканцы выращивали лен и коноплю.

Челканские названия зерновых культур находят параллели во многих тюркских языках и диалектах. Так, у северо-восточных казахов ячмень назывался «арпа», пшеница «бийдай», просо «тары».<sup>45</sup> Некоторые из этих слов – «тугдей/бийдай, таран/тары» восходят к фонду древнетюркской и даже пратюркской лексики.<sup>46</sup> В этой связи традиционность мотыжного земледелия у челканцев не вызывает сомнений.

Урожай собирали в августе. При жатве использовали серп. У северных алтайцев и шорцев он получил распространение в конце XIX в.<sup>47</sup> У туба серпу предшествовал специальный нож «оргуж».<sup>48</sup> Лен и коноплю челканцы вырывали руками с корнем. Этот же прием они использовали при уборке урожая хлеба.<sup>49</sup>

От стеблей колоски отделяли при помощи огня. Обжигание колосков на костре довольно подробно было описано Л. П. Потаповым.<sup>50</sup> Помимо челканцев, оно было зафиксировано у туба, кумандинцев и шорцев.<sup>51</sup> Обгоревшие колоски они обмолачивали при помощи коротких деревянных палок, утолщенных на конце. Такие палки, видимо, имели место и у челканцев. По нашим материалам обмолот челканцы производили цепом «уртун». Он состоял из двух деревянных частей – ручки и молотила. Между собой они соединялись сыромятным ремнем или веревкой, концы которой привязывали к ручке и молотилу.

Зерно на месте ссыпали в мешки. К месту постоянного проживания его доставляли на лошади. Хорошим считался урожай в десять мешков. Хранили зерно в амбарах или на лабазах.

В ходе термической и механической обработки зерна челканцы получали такие важные пищевые полуфабрикаты, как мука, крупа и толокно. Они составляли основу их растительной пищи домашнего происхождения. Из муки делали преимущественно пресное тесто. Оно использовалось для выпечки хлеба, пирогов и некоторых других мучных изделий. Из пресного теста, крупы и толокна готовили такие блюда, как «тутпаш», «угре», и «мотко». По классификации С. А. Арутюнова их можно отнести к жидким и сложносоставным типам блюд.<sup>52</sup> Универсальной мучной пищей челканцев являлся «талган» (толокно). Он употреблялся в сочетании с водой или другими жидкими продуктами. Процесс обработки зерна тесно увязывается, в свою очередь, со строго определенным

кругом предметов утвари – котлом, ступой, ручным лотком, ручной мельницей и ситом.

Немаловажное место в питании челканцев занимали клубни, корни и стебли дикорастущих растений: пиона, пучки, калбы и некоторых других. Так, из луковиц кандыка и сараны готовили жидкого типа похлебку (*тире*). Несколькo меньше значение в рационе питания челканцев занимали кедровые орехи. При их обработке использовали вальки, ручной лоток, котел и зернотерку. В результате из обжаренных и растертых ядер кедровых орехов челканцы получали жирную густую массу «*токишок*».

Возделывание технических культур – конопли и льна – обеспечивало челканцев сырьем для производства холста. До колонизации русскими северных предгорий Алтая для этой цели служила крапива и волокна дикорастущего кендыря (конопли). Позднее «*кендырь*» был вытеснен культурным видом конопли.<sup>53</sup> Способ обработки конопли у челканцев был во многом аналогичен шорскому.<sup>54</sup>

Лен, видимо, был заимствован челканцами от русских. От них же лен был воспринят соседями челканцев – кумандинцами.<sup>55</sup> Лен убирали в августе. Сушили его под навесом до хрупкости. Ломали лен на мялке «*талга*». Аналогичное орудие обработки льна использовали русские крестьяне Южного (Рудного) Алтая.<sup>56</sup> На волокна стебли «разбивали» при помощи специального станка «*тарак*».

При производстве ниток использовали веретено и прялку. Холст ткали на заимствованном у русских ткацком стане. Однако он и его детали у челканцев имели собственные названия: стан «*кеден тогыттен тепсок*», последний «*туруп*», навои «*кеден ораш*» и т.д. Видимо, они восходят к бытовавшему у них и других таежных групп северных предгорий Алтая безрамочному ткацкому стану.<sup>57</sup>

В бассейне р. Лебедь домотканый холст (кеден) был главным материалом для изготовления одежды. Его значение для производства одежды у челканцев трудно переоценить. меховая одежда из шкур диких животных у них не зафиксирована. Овчина и войлок у челканцев появились, видимо, уже после установления прочных связей со скотоводческими группами Саяно-Алтая. Наконец, видимо, только со второй половины XIX в. таежное население бассейна р. Лебедь для выполнения одежды стало использовать ткани фабричного производства (*товар*) – дабу, сатин, ситец и т.д. Так, из шелка шилась праздничная женская рубаха «*прандыз*» (см. рис. 2).

Основными элементами мужской и женской одежды из холста являлись рубаха (*чамча*), штаны (*штан*) и халат (*кознок*). Их покроем имел туникообразный характер. Так, стан «*кознок*» составляли два перекинутых на плечи прямоугольных полотна материи с вшитыми косыми или вытянутыми в форме трапеции боковинами.<sup>58</sup> Конструктивные признаки

челканского халата позволили Н. Ф. Прытковой отнести его к западно-сибирскому типу верхней одежды.<sup>59</sup> Этот тип одежды получил распространение также у кумандинцев, шорцев и хантов. Общность типа одежды у аборигенного населения Северного Алтая и обских угров указывает, по мнению Н. Ф. Прытковой, на этногенетические связи этих народов.<sup>60</sup>

3. *Скотоводческая форма культурной деятельности.* Важное место в сложившемся у челканцев культурном комплексе занимали также явления, связанные со скотоводством. Однако оно являлось одной из наименее развитых отраслей хозяйства в бассейне р. Лебедь. Длительная и холодная зима с довольно высоким снежным покровом, ограниченные участки для пастбищ стали одним из основных препятствий для развития скотоводства на территории Северного Алтая.<sup>61</sup> Наиболее приспособленной к условиям горно-таежной местности оказалась лошадь. В недалеком прошлом она являлась у жителей северных предгорий Алтая единственным видом домашнего животного. Так, в середине XVIII в. скотоводство у кузенов, телесов и челканцев заключалось в разведении одних лошадей.<sup>62</sup>

Коневодство у саяно-алтайских народов имеет давнюю традицию. У раннесредневекового населения Саян «лыжных тугю» (*дубо, милигэ, эчжи*), по данным Тан-Шу, было много хороших лошадей. При этом в их хозяйстве значительное место принадлежало охоте, рыболовству и собирательству.<sup>63</sup>

Однако коневодство сформировалось за пределами лесных районов Саяно-Алтая. У таежных групп оно появилось под влиянием или, даже, при прямом участии скотоводческого населения. Одной из важных сторон этой проблемы является вопрос о происхождении дубо. В этнографической литературе были изложены две основные версии об их этногенезе. В. В. Радлов считал дубо изначально самодийскоязычным («народом», С. И. Вайнштейн – тюркоязычным).<sup>64</sup>

Коневодство является одним из существенных признаков скотоводческой культуры. Одними из ее носителей, по мнению С.И. Вайнштейна, являлись тюркоязычные кочевники дубо еще в I тыс. н. э.<sup>65</sup> Присваивающие формы экономики восприняты были ими от местных, преимущественно самодийско- и кетоязычных, лесных племен. «В новых условиях, – пишет С. И. Вайнштейн, – переселенцы (дубо – Е. Б.) сумели сохранить лишь отдельные черты прежнего хозяйства и быта, в частности коневодства и свой язык».<sup>66</sup> Аналогичные или похожие процессы имели место, видимо, и на территории северных предгорий Алтая. Примечательно, что обряд жертвоприношения коня (*тайэлга*) стал у челканцев и туба неотъемлемой частью их охотничьего промысла.

Этноним «дубо/туба» отмечен также на Северном Алтае (туба) и в Томском Приобье. Одна из групп томских карагасов имела самоназвание «туба». <sup>67</sup> Высказано мнение о былой этнической общности томских и саянских (тофаларов) карагасов, причем, видимо, на самодийской основе. <sup>68</sup> Самодийцы «кара», видимо, проникали и на территорию северных предгорий Алтая. <sup>69</sup> Самоназвание же томских карагасов – туба, эуштинцы, мелеские – сопоставляется исследователями с подразделениями «лыжных тугю» (дубо, эчжи, милигэ) и северо-самодийским родом юуси (еуши). <sup>70</sup> Следует отметить, что для томских карагасов был характерен тот же круг занятий, что и для челканцев и «лыжных тугю» – охота, рыболовство и коневодство. <sup>71</sup>

Во второй половине XIX в. челканцы держали вместе с лошадьми уже крупный рогатый скот, но в очень ограниченном числе. <sup>72</sup> Только шорцы местами помимо лошадей и коров, разводили овец. <sup>73</sup> Мелкий рогатый скот (овцы) челканцы, видимо, стали разводить только с 30-50-х гг. XX в. Слабо было развито скотоводство и у туба. Они, по сообщению А. Р. Шнейдер и Л. Н. Добровой-Ядринцевой, «держали лошадей и коров понемногу, а мелкого скота и совсем не держали». <sup>74</sup>

Основным кормом для скота в осенне-зимний период являлось сено. Траву начинали косить с июля. Для этой цели использовали косу-горбушу (*чакты*). <sup>75</sup> Скошенную траву переворачивали периодически (по мере высыхания) деревянными граблями. Сено метали в снопы, а затем – в стога. Процесс заготовки сена у челканцев бассейна р. Лебедь остался неизменным вплоть до настоящего времени.

На вольном выпасе животные находились с марта-апреля до ноября. Осенью и зимой животных держали в пригоне. В ненастные дни скот размещали в сарае. Сеном скот кормили 3 раза в день: утром, в полдень и вечером. На ночь давали больше сена. Скот выводили на водопой в светлое время суток.

Уход за лошадьми у челканцев сводился к следующим действиям. В марте-апреле лошадь «вычесывали» при помощи железной щетки. Вычесав прошлогоднюю шерсть, лошадь выпускали на вольный выпас. Чтобы лошади не одичали и не отходили далеко от дома, по утрам устраивали дымокуры из гнилушек и навоза. Периодически лошадь также подкармливали хлебом и солью.

На передние ноги лошади надевали путы (*тужак*). Они сплетались из конского волоса. Путы существенно ограничивали амплитуду передвижения животного. Во второй половине XIX в. одна из разновидностей пут именовалась «кижен». <sup>76</sup> Состояла она из ремня, которым связывали две передние и одну заднюю ноги лошади.

Купали лошадь летом. Для этого животное заводили в омут на реке. В случае необходимости лошади обстригали хвост и гриву. Края копыт животного обрубали долотом.

Лошадей различали по возрасту, полу и масти. Коневодческая терминология являлась одной из наиболее разработанных. Жеребенка называли «чавачак», жеребца – «айгыр», лошадь – «ат», кобылу – «ней ат». Возраст лошади исчисляли числительными, а также обозначали специальными терминами. Только что родившегося жеребенка называли «кулнач», словом «кулун» именовали жеребенка по первому году, «сарбаа» – однолетнего жеребца, «тай» – жеребенка по второй весне, «чаба» – двухлетка, «кунан» – трехлетнего жеребца, «кызрак» – трехлетнюю кобылу, «тонон» – жеребца по четвертому году рождения. <sup>77</sup>

Значительным разнообразием отличалась терминология, которая касалась мастей лошадей. Черного по масти коня называли «кара ат», серого – «сур», полосатого – «ала чокр», белого – «апташ», рыжего с белой гривой и белым хвостом – «чалдар». Вот те из немногих терминов, которыми обозначали масти лошадей. Раньше их, видимо, было несравнимо больше.

Разнообразные и многочисленные названия лошадей по масти, полу и возрасту в челканском языке свидетельствуют о довольно устойчивой традиции коневодства в их хозяйстве. Аналогичная ситуация наблюдалась также у кумандинцев. <sup>78</sup> Хорошо разработанная коневодческая терминология была характерна для многих скотоводческих народов, в частности, казахов и монголов. <sup>79</sup>

К скотоводческой отрасли хозяйства тесно примыкает выделка кожи. Шкуру сначала замачивали в воде. Шерсть затем соскабливали двуручным скребком. После этого кожу укладывали в бочку и заливали специально приготовленным раствором. Он готовился из мелко истолченной в ступе коры тальника. Затем его помещали в котел и варили на воде. Шкуру дубили две-три недели, периодически меняя раствор. Сушили кожу в тени, а затем смягчали на мялке.

Наиболее рельефно черты скотоводческой формы культурной деятельности у челканцев проступали в пище. Скотоводство, прежде всего, давало челканцам мясные продукты домашнего происхождения – конину, позднее – говядину и баранину. Забивали скот, как правило, на зиму (*согым*) в октябре и ноябре. При этом голову варили сразу. Кроме головы, в котел добавляли также отдельные куски мяса, снятые с туши забитого животного. Этим мясом (*паш тире*) угощали соседей и особенно тех, кто принимал участие в забое животного и его разделывании.

Из хорошо промытых кишок коровы или лошади и молочно-кровяной смеси челканцы на зиму заготавливали «кан» (букв. «кровь»). Смесь состояла из крови, молока, мелко накрошенного сала, лука, а так-



же соли. При этом на ведро крови наливали полведра молока. Приготовленную таким образом смесь заливали в кишку, предварительно завязав один из ее концов. Наполнив кишку смесью, ее завязывали веревкой. Готовили «кан» отдельно или в мясном бульоне.

В южных районах расселения челканцев (по р. Байгол) был известен «дьюргем». Появился он, видимо, только в XX в. в местах соприкосновения челканцев с тубаларами. «Дьюргем» представлял собой род колбасы из переплетенных между собой тонких кишок и нарезанных лентами легких, печени и желудка. Варили такую колбасу отдельно.

Молочные продукты у челканцев относительно широкое распространение получили только в XX в. Особенно это касается тех групп челканцев, которые проживали по р. Байгол и в местах соприкосновения с туба и кумандинцами (роды комнош, тибер и кузен и другие). Молочные продукты они, видимо, стали изготавливать под влиянием южных алтайцев и русских. На это указывают связанная с молочной продукцией терминология: «сайрю» (масло), «твораг» (творог), «чегень» (заквашенное молоко) «престек» (простокваша) и т.д.

4. Рыболовческая форма культурной деятельности. Глубоко традиционным направлением хозяйственной деятельности челканцев являлось рыболовство. Наряду с охотой и скотоводством оно являлось источником мясной пищи. В основном из рыбы готовили уху (*палыктын муны тире*). С рыболовством в бассейне р. Лебедь был, видимо, связан также генезис долбленок и берестянок (по фольклорным материалам)<sup>80</sup>. Однако наиболее значимые элементы рыболовческой формы культурной деятельности были все-таки сопряжены с использовавшимся у челканцев инвентарем.

Объектами рыболовного промысла у челканцев служили хариус, окунь, чебак, пескарь, ерш, таймень, щука, налим. Рыбу ловили удочками, сетями, а также лучили ночью (*туноктон*). Из рыбных ловушек челканцам были известны морды (*суген, сопыр*) и запоры (*тон*).

Закрытые ловушки челканцы плели из тальниковых прутьев. Их длина составляла от 1,1 до 1,5 м. Аналогичные по конструкции и форме морды (*сюган*) отмечены у чулымских тюрков.<sup>81</sup> Термин «суген» для обозначения закрытой ловушки использовался также у шорцев Горной Шории и таежной Хакасии, бачатских телеутов, тофаларов и барабинских татар.<sup>82</sup> Сам термин «суген/сюган» общераспространен в тюркских языках и принадлежит к уйгурскому лексическому пласту.<sup>83</sup>

Ставили морду устьем против течения реки, привязывая ее к вбитому в дно реки колу. Весьма близкую по конструкции к верше ловушку (*шурба*) использовали также при устройстве запора (*тон*). Выполняли «тон» на быстрине или мелководье, когда осенью рыба «скатывалась» вниз по течению реки.

Сооружали запор следующим образом. Сначала реку перегораживали двумя направляющими открьлками (*ман*). К середине реки они сходились под углом. Для устройства открьлков использовали колья. Их вбивали в вертикальном положении в дно реки и оплетали черемуховыми прутьями. На середине реки между открьлками оставляли место (шириной около 1 м) для рыбной ловушки.

Для устройства ловушки противостоящие в проходе колья ставили под углом. В результате ширина прохода книзу постепенно суживалась. Ниже прохода аналогично забивались еще две-три пары колея. Причем расстояние между кольями каждой пары постепенно сокращалось до 50 см. К наклонно поставленным кольям в проходе при помощи тальниковых или черемуховых прутьев привязывались жерди, длина которых была равна 2 м. Диаметр жердей составлял не более 5 см. К кольям их крепили плоской, стесанной стороной наружу. Нижние концы жердей собирали в черемуховый обруч. Диаметр обруча составлял 50 см. Эту часть ловушки обозначали термином «суген», то есть так же, как и морду.

Нижнюю часть «сугена» (деталь ловушки) вставляли в «вершу» – «шурба». По отношению к течению реки ее устанавливали под небольшим углом. Ближайшей аналогией этой детали запруды – «шурба» – являлась деревянная ловушка томских карагасов – «сурпа» (ср. *шурба*).<sup>84</sup> Ставили ее на стреже между двумя открьлками. «Шурба» и «сурпа» плелись из прутьев и внешне напоминали морду, но в отличие от последней они не имели языка и их узкий конец был тупо закруглен.

Запор с деревянной ловушкой томские карагасы ставили на небольших и быстрых реках. Этот вид запруды, таким образом, был характерен скорее для горных, чем для спокойных, медленно текущих нарымских рек. Рыба в деревянной ловушке (*шурба, сурпа*) прижималась к ней быстрым течением реки. Генезис такого рода запоров у томских карагасов, несомненно, был связан с горно-таежными районами Саяно-Алтая.

Вместо «сугена» и «шурбы» на колья, установленные вдоль прохода, могли укреплять также кендырную сеть. Сетная ловушка как деталь запруды (*ту*) имела место также у барабинских татар.<sup>85</sup> Нижняя часть сети (*пара*) у челканцев была сплетена в виде конуса. Основание (устье) конуса распирала обручем.

Рыболовную ловушку (*пара*) в форме длинного, узкого конуса использовали шорцы.<sup>86</sup> Этот рыболовный снаряд у устья, подобно челканскому «пара», распирала обручем. Ставили его шорцы по узким протокам и небольшим речкам. Не исключено, что и челканцы использовали этот рыболовный снаряд – «пара» – самостоятельно, а не как деталь запора (*тон*).

Конструктивно и функционально близкие к челканским запруды, помимо томских карагасов и барабинских татар, были известны чулымским тюркам (*туз*), таежным хакасам (*туз*), тофаларам (*тух*) и селькупам (*атарма*, *квэж*).<sup>87</sup> Таежные хакасы, чулымские тюрки и селькупы запоры использовали в сочетании с мордами и фитилями. Слова «тон», «туз», «тухен» и т.д. восходят к тюркским терминам «туу» – «рыбная запруда» и «ту» – «закрывать», «преграждать».<sup>88</sup> Удалось также установить, что термин «туг» – «запруда», «верша» входил в словарный фонд еще поздних пратюрков.<sup>89</sup>

Рыбу челканцы лучили при помощи остроги (*сайга*). Она имела три-четыре железных острия с крючками. Ручка в виде длинного черенка (1,75–1,80 м) была закреплена в обойме остроги. В качестве факела использовали свернутую в трубку бересту. Во второй половине XIX в. бересту при лучении рыбы вставляли в вилку «пышки».<sup>90</sup>

На мелководье рыбу лучили, идя по воде. На глубоких участках реки рыбу били с долбленки. Аналогичный способ рыбной ловли был известен шорцам, чулымским тюркам, таежным хакасам, большинству групп сибирских татар и васюганско-ваховским хантам.<sup>91</sup> Шорцы называли острогу «сошка», таежные хакасы – «шахэ», чулымские тюрки – «чачку», тарские татары – «чаничкэлэ».

Орудия рыболовства челканцев находят параллели у селькупов и тех тюркских групп и этносов, в этногенезе которых участвовали кето-, угро- или самодийскоязычные этнические группы. Происхождение рыболовства и охоты у чулымских тюрков связывается исследователями с енисейцами, уграми и самодийцами.<sup>92</sup> С южносамодийскими группами, как уже отмечалось выше, увязывается этногенез томских и саянских (тофаларов) карагасов.<sup>93</sup>

Сравнительно-исторический и конкретный историко-лингвистический анализ культурных явлений и тесно сопряженной с ними терминологии свидетельствует, таким образом, о контактном положении бассейна р. Лебедь. Процессы культурной адаптации к занимаемому микроландшафту здесь были в значительной степени усложнены приспособлением первоначально чуждых для таежного хозяйства занятий и элементов – коневодства, конно-верхового транспорта, обряда жертвоприношения коня и целого ряда других явлений, связанных прежде всего с материальной культурой челканцев. Их истоки, видимо, восходят к средневековым тюркоязычным группам Центральной Азии и Саяно-Алтая. Исторически они, очевидно, были связаны с этнополитическими образованиями древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов, возможно – кыпчаков. На это, прежде всего, указывает тесно связанная с хозяйственными занятиями челканцев лексика.

Контактное положение бассейна р. Лебедь не могло не отразиться на формировании и развитии традиционной материальной культуры челканцев. Наличие культурных явлений, характерных в прошлом для скотоводов-кочевников, но органически вписавшихся в традиционную культуру таежной группы, свидетельствует об имевшемся здесь синтезе. Целостный подход к традиционной материальной культуре челканцев был реализован в содержании выделенных форм культурной деятельности. В структуру исследуемого комплекса включены субстратные и суперстратно-адстратные элементы, поскольку в функциональном отношении в рамках приводимых ниже направлений деятельности они представляют органическое целое.

1. *Охотничья форма культурной деятельности*: промысловая территория; лук, берестяной колчан, кожаная сумка, использовавшаяся для переноски пуль, пороха, капсулы или добычи; шомпольное ружье и необходимые к нему принадлежности (пули, порох, капсулы и т.д.); рог и свистульки, имитировавшие характерные для некоторых животных звуки; орудия пассивной охоты (ловчие ямы, капканы спускового устройства, кулемки, петли); укрытия; промысловые постройки; войлочные шапка, халат, чулки; обувь западносибирского и центральноазиатского типов; лыжи; временные нарты; нарты; заплечный берестяной короб; шкура-волокуша; пихтовый лапник, использовавшийся в качестве волокуши; плот; берестяной челнок; конно-верховой транспорт.

2. *Земледельческо-собираТЕЛЬСКАЯ форма культурной деятельности*: «пашни»; зерновые и технические культуры (ячмень, просо, пшеница, рожь, конопля, лен); мотыга, серп; цеп; мялка, использовавшаяся при первичной обработке льна; приспособление, при помощи которой расщепляли стебли льна на волокна; веретено; прялка; ткацкий стан; корнекопалка; амбар; лабаз; холщовые шапка, штаны, халат, пояс; хлебные изделия (хлеб, шаньги, пироги); жидкие и сложносоставные типы блюд (*угре*, *мотко*, *тутпаш* и другие); набор утвари, связанный с получением муки, толокна, крупы и массы из кедровых орешков (железный котел, деревянная ступа, зернотерка, ручная мельница, лоток, сито).

3. *Скотоводческая форма культурной деятельности*: сенокосные участки земли; коса-гобуша; вилы; деревянные грабли; пригон; сарай; железная щетка; путы; кожемьялка; блюдо «паш тире»; «колбасы» (*кан*, *дьюргем*); различные молочные продукты и напитки.

4. *Рыболовческая форма культурной деятельности*: удочка; сеть; орудия запорного рыболовства; морда; фитиль; острога; блюдо из рыбы; берестянка; долбленка.

Выделенные формы культурной деятельности и их элементы можно соотнести с понятием лесная культура. Она является частью традиционной культуры человечества, которая сложилась в пределах лесо-таежной

полосы Северной Евразии. В этом смысле ей противопоставляется степная культура, основанная преимущественно на кочевническо-скотоводческой деятельности. Отметим, что предложенное деление традиционной культуры является достаточно условным и общим.

На уровне отдельных микроландшафтов лесная культура имеет свои особенности формирования и развития. В бассейне р. Лебедь сложился один из ее вариантов.

Материальная основа Лебединского ЛКК сформировалась в результате взаимодействия лесной и степной культур. Нами в работе затронуты лишь наиболее общие аспекты этого процесса. Кроме того, вне рамок исследования оказались элементы, связанные с традиционной духовной культурой челканцев. Реконструкция духовной основы изучаемого комплекса должна стать предметом специального исследования. Наряду с дальнейшим исследованием элементов материального порядка оно позволит конкретизировать намеченные в данной работе этногенетические и культурные связи челканцев и выявить место Лебединского ЛКК в культурно-историческом процессе на территории Северной Евразии.

<sup>1</sup> Селезнев А. Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 2. С. 57-62.

<sup>2</sup> Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 1. С. 460.

<sup>3</sup> Потапов Л. П. Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев // Сборник Музея археологии и этнографии. 1949. Т. 11. С. 8, 17; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы Алтайского края (историко-этнографический очерк). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969. С. 6.

<sup>4</sup> Потапов Л. П. Указ. раб. С. 17.

<sup>5</sup> Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 73.

<sup>6</sup> Адрианов А. В. Северные предгорья Алтая. 1. Кузнецкий край // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, письменном, экономическом и бытовом значении, под общей редакцией П. П. Семенова. Западная Сибирь. СПб., 1884. Т. 11. С. 292; Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 211.

<sup>7</sup> Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск, 1994. Т. 1. Кн. 2. С. 54.

<sup>8</sup> Там же. С. 54.

<sup>9</sup> Попов А. А. Жилища // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 156. Табл. 15, 1.

<sup>10</sup> Соколова З. П. Жилища народов Сибири (Опыт типологии). М., 1998. С. 203.

<sup>11</sup> Попов А. А. Указ. раб. С. 156.

<sup>12</sup> Там же. С. 156.

<sup>13</sup> Там же. С. 136. Табл. 1, 8.

<sup>14</sup> Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки Русского географического общества по общей географии. СПб., 1886. Т. 11. С. 294-296.

<sup>15</sup> Тошакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX - начала XX в.). Новосибирск, 1978. С. 106-107.

<sup>16</sup> Потапов Л. П. Указ. раб. С. 13.

<sup>17</sup> Очерки культурогенеза народов ... С. 65.

<sup>18</sup> Попов А. А. Указ. раб. С. 134. Табл. 10, 1; Селезнев А. Г. Земляные жилища барабинских татар // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 78-82; Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Земляные хозяйственные сооружения тарских татар (по материалам д. Берияжки Большерецкого района Омской области) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 2. Культура тарских татар. Новосибирск, 1997. С. 216; Соколова З. П. Указ. раб. С. 24, 38-39; Тошакова Е. М. Основные типы жилищ у алтайских племен до революции // Известия сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, 1973. № 6. Вып. 2. С. 114; Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю) // Исторический Вестник. СПб., 1885. Т. 20. С. 629.

<sup>19</sup> Адрианов А. В. Указ. раб. С. 302.

<sup>20</sup> Кимеев В. М., Кимеева Т. И. Одежда, обувь и украшения шорцев // Шорский сборник. Кемерово, 1994. С. 202, 203; Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник Музея археологии и этнографии. 1951. Т. 13. С. 59; Шибаева Ю. А. Одежда хакасов. Сталинобад, 1959. С. 100.

<sup>21</sup> Потапов Л. П. Указ. раб. С. 59.

<sup>22</sup> Кимеев В. М., Кимеева Т. И. Указ. раб. С. 202-203; Тюрки таежного Причумылья. Популяция и этнос. Томск, 1991. С. 56.

<sup>23</sup> Василевич Г. М. Типы обуви у народов Сибири // Сборник Музея археологии и этнографии. М.-Л., 1963. Т. 21. С. 42.

<sup>24</sup> Потапов Л. П. Указ. раб. С. 23.

<sup>25</sup> Василевич Г. М. Указ. раб. С. 52, 58; Сатлаев Ф. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX- первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974. С. 138-139.

<sup>26</sup> Василевич Г. М. Указ. раб. С. 58.

<sup>27</sup> Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 205.

<sup>28</sup> Василевич Г. М. Указ. раб. С. 52, 58.

<sup>29</sup> Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 310.

<sup>30</sup> Козьмин В. А. О происхождении нартенного транспорта в западносибирском оленеводстве // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983. Вып. 2. С. 49.

<sup>31</sup> Информатор - А. А. Кандараков, 1934 года рождения.

<sup>32</sup> Антропова В. В. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 115.

<sup>33</sup> Там же. С. 108, 109, 112, 113; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Томск, 1977. С. 53; Лукина Н. В. Указ. раб. С. 91; Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980. С. 65; Тюрки таежного Причумылья. С. 83.

<sup>34</sup> Боргояков М. И. О кайдынях и их языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 176-177; Тюрки таежного Причумылья. С. 83.

<sup>35</sup> Там же. С. 83.

<sup>36</sup> Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 114; Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 17.

<sup>37</sup> Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Указ. раб. С. 53; Лукина Н. В. Формирование ... С. 91-92.

<sup>38</sup> Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. С. 39; Георги И. Г. Абинцы // Шорский сборник. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 17; Потапов Л. П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. М.-Л., 1952. Т. 18. С. 176; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 122; Самеев Г. П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск, 1996. С. 12.

<sup>39</sup> Там же. С. 12.

- <sup>40</sup> Радлов В. В. Указ. раб. С. 211.
- <sup>41</sup> Потапов Л. П. Этнографический очерк земледелия ... С. 176-178.
- <sup>42</sup> Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Население Сибирского края (русские и туземцы). Новосибирск, 1928. С. 82.
- <sup>43</sup> Потапов Л. П. Черты первобытно-общинного строя ... С. 10-11; Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Указ. раб. С. 82.
- <sup>44</sup> Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., 1985. С. 141.
- <sup>45</sup> Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л., 1930. С. 25.
- <sup>46</sup> Селезнева И. А. Традиционное хозяйство тарских татар (вторая половина XIX - начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 14-15.
- <sup>47</sup> Потапов Л. П. Этнографический очерк земледелия ... С. 181.
- <sup>48</sup> Там же. С. 182.
- <sup>49</sup> Там же. С. 180-181.
- <sup>50</sup> Там же. С. 181.
- <sup>51</sup> Там же. С. 181.
- <sup>52</sup> Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981. С. 9.
- <sup>53</sup> Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX в. первой четверти XX столетия // Сборник Музея археологии и этнографии. М.-Л., 1955. Т. 16. С. 119.
- <sup>54</sup> Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.-Л., 1936. С. 99.
- <sup>55</sup> Сатлаев Ф. Указ. раб. С. 74.
- <sup>56</sup> Аргынбаев Х. Краткий очерк материальной культуры переселенцев из России в Казахстан (По материалам Восточного Казахстана второй половины XIX - начало XX в.) // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана. Алма-Ата, 1962. С. 148. Рис. 1.
- <sup>57</sup> Попов А. А. Указ. раб. С. 126-128.
- <sup>58</sup> Потапов Л. П. Одежда алтайцев. С. 17. Рис. 44, 12.
- <sup>59</sup> Прыгкова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 238.
- <sup>60</sup> Там же. С. 237-238.
- <sup>61</sup> Адрианов А. В. Указ. раб. С. 306; Вербицкий В. И. Указ. раб. С. 40; Потапов Л. П. Черты первобытно-общинного строя ... С. 9; Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Указ. раб. С. 82.
- <sup>62</sup> Потапов Л. П. Этнический состав ... С. 122.
- <sup>63</sup> Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 1. С. 348, 354.
- <sup>64</sup> Вайнштейн С. И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема происхождения тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 83-86; Радлов В. В. Указ. раб. С. 89.
- <sup>65</sup> Вайнштейн С. И. Указ. раб. С. 83-86.
- <sup>66</sup> Там же. С. 85.
- <sup>67</sup> Пелих Г. И. Указ. раб. С. 256.
- <sup>68</sup> Там же. С. 256.
- <sup>69</sup> Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 33.
- <sup>70</sup> Там же. С. 42; Пелих Г. И. Указ. раб. С. 256.
- <sup>71</sup> Васильев В. И. Указ. раб. С. 31.
- <sup>72</sup> Вербицкий В. И. Указ. раб. С. 40; Радлов В. В. Указ. раб. С. 210.
- <sup>73</sup> Потапов Л. П. Очерки истории ... С. 94.
- <sup>74</sup> Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Указ. раб. С. 82.
- <sup>75</sup> Баскаков Н. А. Указ. раб. С. 220; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Стб. 1841.

- <sup>76</sup> Баскаков Н. А. Указ. раб. С. 162.
- <sup>77</sup> Там же. С. 169, 170, 201, 209, 221.
- <sup>78</sup> Сатлаев Ф. Указ. раб. С. 44.
- <sup>79</sup> Руденко С. И. Указ. раб. С. 14-15.
- <sup>80</sup> Баскаков Н. А. Указ. раб. С. 122-124.
- <sup>81</sup> Тюрки таежного Причумылья. С. 32. Рис. 3, 5.
- <sup>82</sup> Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989. С. 91; Потапов Л. П. Указ. раб. С. 88; Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. С. 82; Селезнева И. А. Указ. раб. С. 10; Тюрки таежного Причумылья. С. 32.
- <sup>83</sup> Рассадин В. И. Указ. раб. С. 82; Селезнева И. А. Указ. раб. С. 10; Тюрки таежного Причумылья. С. 32.
- <sup>84</sup> Пелих Г. И. Указ. раб. С. 250.
- <sup>85</sup> Селезнев А. Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. С. 29.
- <sup>86</sup> Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Народы Сибири. Томск, 1979. С. 45. № 6025-90.
- <sup>87</sup> Пелих Г. И. Указ. раб. С. 12, 251; Селезнев А. Г. Черты лесного комплекса в облике таежных групп Южной Сибири (Горный Алтай и таежная Хакасия) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: Сб. науч. тр. Омск, 1998. С. 202; Тюрки таежного Причумылья. С. 31.
- <sup>88</sup> Селезнева И. А. Указ. раб. С. 10.
- <sup>89</sup> Там же. С. 10.
- <sup>90</sup> Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1909. Стб. 1322.
- <sup>91</sup> Каталог ... С. 44. № 6143; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Указ. раб. С. 20; Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990. С. 66. № 1552; Первых С. Ю., Томилов Н. А. Природная среда и охотничье-рыболовецкое хозяйство барабинских татар // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 1129.
- <sup>92</sup> Тюрки таежного Причумылья. С. 100.
- <sup>93</sup> Вайнштейн С. И. Указ. раб. С. 84; Васильев В. И. Указ. раб. С. 30-31, 33; Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Императорское Русское географическое общество. Отделение этнографии. Записки. СПб., 1909. Т. 34. С. 284; Пелих Г. И. Указ. раб. С. 256.

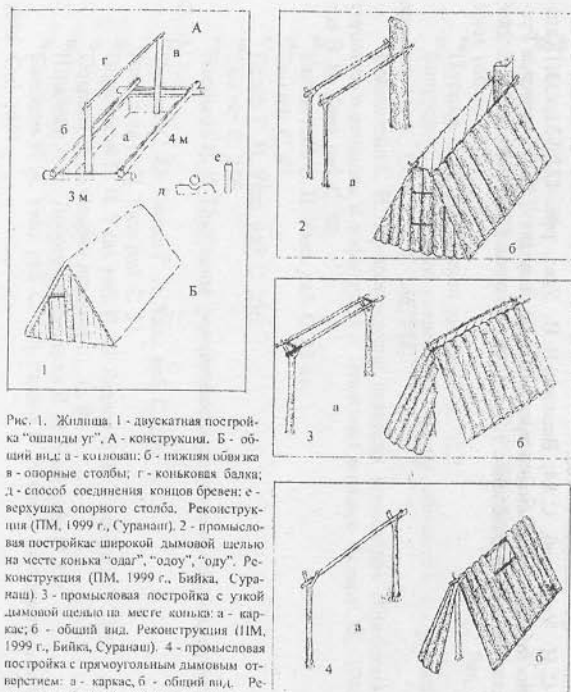


Рис. 1. Жилища. 1 - двухэтажная постройка "шандай уг", А - конструкция, Б - общий вид; а - колчопан; б - нижняя обвязка; в - опорные столбы; г - коньковая балка; д - способ соединения концов бревен; е - верхушка опорного столба. Реконструкция (ПМ, 1999 г., Сураани). 2 - промышленная постройка с широкой дымовой щелью на месте конька "одаг", "одоу", "оду". Реконструкция (ПМ, 1999 г., Бийка, Сураани). 3 - промышленная постройка с узкой дымовой щелью на месте конька; а - каркас; б - общий вид. Реконструкция (ПМ, 1999 г., Бийка, Сураани). 4 - промышленная постройка с прямоугольным дымовым отверстием; а - каркас, б - общий вид. Реконструкция (ПМ, 1999 г., Сураани).

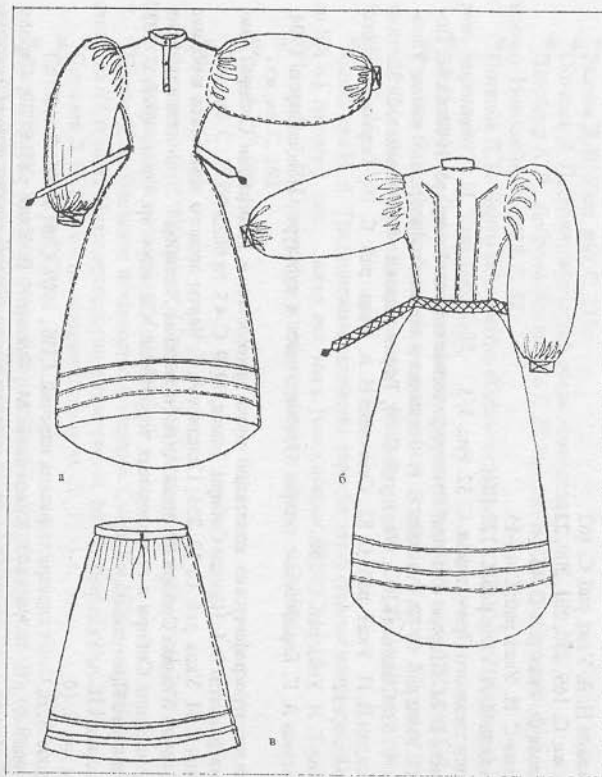


Рис. 2. Праздничная рубашка "прандвай": а - вид спереди; б - вид сзади; в - юбка "тепке". Реконструкция (ПМ, 1999 г., Курман-Байгел)